Мирзазянов Рамиль Хакимович
начальник учебной части
кафедры специальной подготовки
военного учебного центра
при МГУ имени М.В. Ломоносова.
Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А (корпус В)
ramilhakimovich@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Mirzazyanov Ramil H.
Head of the Educational Department,
Department of Special Training,
Military Training Center,
Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Leninskie Gory, 1/13A (Building B)
ramilhakimovich@mail.ru

NATIONAL-STATE MODELS OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM AND EXTREMISM

Введение. В современных реалиях создание глобального контртеррористического «интернационала» маловероятно. Представляется более корректным рассматривать национальные модели контртеррористического и антиэкстремистского противодействия в качестве базовых.

Материалы и методы. Используется достаточно известная, но нечасто применяемая в политическом управлении «теория ограниченных систем», в которой необходимо использовать метод фокусировки разноплановых ресурсов для решения определенной (противодействие терроризму) задачи, нежели диверсифицировать указанную проблематику.

Результаты исследования. Обнаружены два основных возможных сценария противостояния международным экстремизму и терроризму. Первый из них — атлантический, соответствующая мировая модель противодействия терроризму базируется на безусловном руководстве указанными процессами США и НАТО. Второй сценарий можно без преувеличения определить как изоляционистский (автономный). Он предполагает изоляцию и своего рода автаркию государств — центров терроризма, международных и региональных террористических организаций в качестве объектов антитеррористических действий.

Обсуждение. Атлантический сценарий и соответствующая модель противостояния терроризму и экстремизму малосовместима с автономией и суверенитетом Европы. В рамках автономного сценария выдвигается идея разделенной коллективной безопасности как геополитически, так и в региональной

интерпретации. Все это соседствует с политикой сдерживания России и Китая. При этом плюралистическая, полицентричная (во многом евразийская) модель противодействия «терро-экстремизму» выглядит наиболее адекватной современным реалиям.

Заключение. Необходимо создание координационного механизма, предусматривающего усиление взаимодействия государств — членов ШОС и ОДКБ в качестве фактора укрепления евразийской безопасности, противодействия терроризму и экстремистской активности.

Ключевые слова: *национально-государственная модель борьбы, неоатлантизм, изоляционизм, евразийство (плюрализм).*

Introduction. The creation of a global counter-terrorism "international" seems unlikely. National models of counterterrorism and anti-extremist counteraction should be viewed as basic.

Materials and methods. We apply theory of constraints and use the method of focusing diverse resources to solve a specific (counterterrorism) task.

Results of the study. We find two main possible scenarios for countering international extremism and terrorism. The first of them is the "Atlantic" scenario, based on the unconditional leadership of the United States and NATO. The second scenario can be defined as isolationist (autonomous). It presupposes isolation and a kind of autarchy of states that are centers of terrorism, international and regional terrorist organizations as objects of anti-terrorist actions.

Discussion. The Atlantic scenario is incompatible with the autonomy and sovereignty of Europe. In the autonomous scenario, the idea of a divided collective security is put forward. All this goes hand in hand with the containment of Russia and China. At the same time, the pluralistic, polycentric (largely Eurasian) model of countering "terrorist extremism" looks the most adequate to modern realities.

Conclusion. It is necessary to create a coordination mechanism that provides for strengthening the interaction between the SCO member states and the CSTO as a factor in strengthening Eurasian security, countering terrorism and extremist activity.

Key words: *national-state model of struggle, neo-Atlanticism, isolationism, Eurasianism (pluralism).*

Введение

Если в концептуально-теоретическом плане терроризм и экстремизм представляют собой различные социально-политические явления — деятельность и поведение, то в праксеологическом отношении картина складывается иная. С одной стороны, существует группа исследователей, которая выступает против признания терроризма крайней формой экстремизма, особенно в прикладном, правовом контексте [3]. С другой — именно социально-политическая практика указывает на их базовую взаимозависимость и схожесть, поскольку в основе и терроризма, и экстремизма лежит действие, по-разному регулируемое как в первом, так и во втором случае [4, 6, 7, 9]. В данном контексте вполне оправданно рассматривать их совместно, поскольку зачастую экстремистские действия «перетекают» в террористические (но крайне редко наоборот).

Именно в этой связи, обращая внимание на глобальный, мировой характер терроризма (равно как и экстремизма с поправкой на национальную специфику) [13, 19, 21], мы говорим о необходимости борьбы с ним сопряженных усилий всего мирового сообщества в рамках своего рода контртеррористического «интернационала» [14]. Впрочем, в современных реалиях, включая геополитические, создание подобной институции представляется маловероятным в силу различных подходов не только к возможности подобной консолидации, но и собственно пониманию феноменов терроризма и даже экстремизма. Особенно это касается позиций в данном вопросе «консолидированного Запада», который, как правило, рассматривает борьбу с терроризмом исключительно сквозь призму национально-корпоративных интересов и соответствующих юрисдикций [10, 12, 20]. В частности, сейчас правомерно возникают вопросы относительно мнения «демократов» США, которые квалифицируют выступления сторонников Д. Трампа в январе 2021 г. (однозначно экстремистские) в качестве актов «внутреннего терроризма» [15]. В связи с отмеченным, представляется более корректным рассматривать национальные модели контртеррористического и антиэкстремистского противодействия в качестве базовых. При этом в содержательном контексте национальная модель противодействия экстремизму и терроризму отражается в вариативном сочетании со стороны государства «жесткой» (hard) и «мягкой» (soft) сил, последняя в политико-правовом дискурсе представлена умной силой (smart power) [11, 16, 18, 22].

Следует при этом отметить, что опыт борьбы и противодействие терроризму (как и экстремизму), например, в России в начале второго десятилетия XXI в. весьма показателен и симптоматичен, обладая неким набором универсальных механизмов, доказавших свою эффективность [8, 17]. Здесь мы прежде всего подразумеваем контртеррористическую деятельность российского государства в Кавказском регионе (Чечня, Дагестан, Ингушетия и др.), связанную с открытыми военно-организационными мероприятиями, проводимыми руководством и специальными службами [5]. Помимо физического уничтожения боевиков и их руководителей были использованы следующие антиэкстремистские и контртеррористические механизмы:

- принятие и поэтапная реализация социально-экономической программы развития кавказских республик, включая снижение безработицы;
- обеспечение консолидации политических и конфессиональных элит, поддержка сильных и популярных региональных лидеров;
- обеспечение широкой социальной поддержки населения, институциональной стабилизации в регионах;
- автономизация кавказских республик в рамках существующих компетенций при поддержке федерального центра;
- возврат к мирной жизни бывших членов незаконных вооруженных формирований, не запятнавших себя кровью, их социальная адаптация (амнистия).

Мы перечислили лишь основные механизмы противодействия экстремизму и терроризму, отражающие национальную модель, используемую Российской Федерацией с поправкой на меры, применяемые ей в транснациональных (Сирия и др.) и региональных (СНГ с акцентом на ОДКБ) измерениях.

Материалы и методы

Мы вполне осознанно не детализируем многообразные варианты национально-государственных моделей борьбы с экстремизмом и терроризмом, поскольку сущностные основы в них схожи или даже идентичны. В нашем анализе мы используем достаточно известную, но нечасто используемую в политическом управлении «теорию ограниченных систем» (ТОС), созданную Э. Голдраттом еще в 1984 г. и доказавшую свою эффективность в практическом применении [1].

В самом общем виде применительно к ТОС ситуация борьбы с терроризмом и экстремизмом выглядит следующим образом. Эффективность любой деятельности, особенно системной, зависит от умения находить и управлять ограничениями — узкими и слабыми местами системы. Мы позволим взять на себя смелость утверждать, что в рамках политических процессов (например, системы противодействия терроризму) ее узкие места вполне очевидны. Проблема здесь заключается в том, как, каким образом их преодолеть для обеспечения эффективности антитеррористической борьбы, с одной стороны, устранением террористических действий, которое осуществляется вполне успешно в локальных центрах их нахождения. В подобных условиях использование ТОС вполне оправдано. С другой стороны, в рамках данной управленческой технологии в качестве причин (слабого звена) следует обозначить невозможность ее достижения (устранения). Например, в рамках антитеррористической стратегии возможно предусмотреть меры по преодолению социоэкономической отсталости регионов, являющихся центрами террористической угрозы, но практически их реализация в ближайшее время выглядит затруднительной и маловероятной.

При ранжировании «слабых звеньев» борьбы с терроризмом возникают геополитическая, экономическая, ценностная и другие виды разобщенности субъектов данной борьбы в лице государств и мирового сообщества в целом. Здесь важно отметить, что в рамках указанной теории необходимо использовать метод фокусировки разноплановых ресурсов для решения определенной (противодействие терроризму) задачи, нежели диверсифицировать указанную проблематику. При этом следует учитывать, что ограничения, препятствующие эффективному решению, имеют внутри- и внешнеполитическую природу. Согласно ТОС, как известно, следует реализовать следующие технологические требования:

- определение ограничений, препятствующих развитию системы;
- решение вопроса, каким образом можно использовать данные ограничения;

- управление системой с учетом существующего ограничения для оптимизации процесса его преодоления.

Результаты исследования

Мы обнаруживаем два основных возможных сценария противостояния международным экстремизму и терроризму.

Первый — **атлантический**. Соответствующая мировая модель противодействия терроризму базируются на безусловном руководстве США и НАТО. Данная модель отражает классический и современный «атлантизм» с приставкой «нео». В действующей стратегической концепции «Активное участие, современная оборона» (2010), в частности, обозначены три основные задачи: коллективная оборона, кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества. Среди современных угроз помимо прочего указывается распространение баллистических ракет и ядерного оружия, терроризм, кибернетические нападения и фундаментальные экологические проблемы. При этом «атлантизм» переживал не самые лучшие времена и проблемы относительно всеобъемлющих вопросов собственного существования. Если с распадом СССР в 1990-е гг. возник вопрос «кризиса целеполагания», то с приходом к власти Д. Трампа возник «кризис разделения ответственности». С 2016 г. США, сохраняя доминирование в альянсе, недвусмысленно акцентировали внимание на финансовой ответственности государств — членов блока (пресловутые 2% от ВВП).

По-видимому, именно указанными факторами хотя бы отчасти объясняется малоэффективность деятельности НАТО по сдерживанию терроризма, несмотря на декларации, в Афганистане, который коалиция покинула в августе 2021 г., Ираке и Сирии. При этом следует напомнить, что в начале нынешнего века один из компетентных идеологов «атлантизма» З. Бжезинский исходил из проатлантической проекции в борьбе с терроризмом и создания коалиции, включая Россию и Китай. Как известно, замысел Бжезинского, предполагающий примат США в коалиции, не был осуществлен, прежде всего из-за этого принципа абсолютного доминирования.

С приходом к власти Дж. Байдена, который, как известно, провозгласил возврат Америки в «атлантическую семью», атлантическая модель противодействия терроризму несколько изменилась по принципиальным основаниям. Выступление президента США на Мюнхенской конференции в феврале 2021 г. содержало несколько тезисов относительно рассматриваемой проблематики:

- США полностью привержены альянсу НАТО;
- тесное сотрудничество с НАТО в дальнейших действиях в Афганистане;
- стремление к тому, чтобы Афганистан никогда больше не стал площадкой для подготовки террористов против США;

- консультативная помощь в Ираке, имеющая жизненно важное значение в ходе продолжающейся борьбы с ИГИЛ[1];
- нельзя позволить, чтобы ИГИЛ возродилась;
- США полны решимости восстановить отношения с Европой после напряженности в трансатлантических отношениях;
- США должны восстановить непоколебимые преимущества Америки.

При этом американский лидер призвал готовиться к длительному стратегическому соперничеству с Китаем, а также противостоять угрозе со стороны России.

Второй сценарий (модель) антитеррористического противостояния можно определить как **изоляционистский (автономный)**. Он изначально предполагает изоляцию и своего рода автаркию государств — центров терроризма, международных и региональных террористических организаций в качестве объектов антитеррористических действий. Другая сторона данной модели исходит из возникновения «новой» биполярной безопасности, связанной с потенциальной возможностью одинокого лидерства Китая, усиливающего свою субъектность не только на субконтинентах, но и в мировой политике в целом. В этой связи свою озабоченность высказали США на последней Мюнхенской конференции устами своего президента и НАТО в речи генсека И. Столтенберга (март 2021 г.).

Обсуждение

Атлантическая модель борьбы с терроризмом предполагает прежде всего координацию соответствующих действий под эгидой США стран, входящих в НАТО и ЕС, что по объему практически совпадает. Однако следует иметь в виду, что изначально альянс создавался для противостояния СССР, а в дальнейшем трансформировался в территориальный союз обороны. Еще в декабре 2020 г. Еврокомиссия представила пакет предложений по активизации борьбы с терроризмом в странах Евросоюза, включающий меры по борьбе с распространением радикальных идей экстремизма в сети Интернет, повышение безопасности общественных зон с расширением полномочий Европола. Не умаляя возможной эффективности намеченных предложений, все же следует обратить внимание, что они носят вспомогательный характер.

Резюмируя вышеотмеченное, позволительно сделать вывод о том, что атлантический сценарий и соответствующая модель противостояния терроризму и экстремизму, во многом актуализированная с приходом в США новой администрации, малосовместима с автономией и суверенитетом Европы. Данный фактор, на наш взгляд, является весьма существенным, поскольку предполагает не только декларативность атлантической солидарности, но и военно-политическую дисциплину, поддерживаемую диктатом США, как, впрочем, и самой организационной структурой НАТО.

[1] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

Справедливости ради вспомним, что аналогичная ситуация была между государствами — членами Варшавского договора и СССР.

Кроме того, данный сценарий антитерроризма исходит из сохранения или адаптации униполярности, доминирования западных (неолиберальных) ценностей атлантического характера, а также обеспечения унилатеральных, односторонних преимуществ для Запада.

Возвращаясь к автономному сценарию противодействия терроризму и экстремизму, сделаем следующие пояснения. На наш взгляд, в рамках данного сценария выдвигается идея разделенной коллективной безопасности как геополитически, так и в региональной интерпретации, исходя из дифференциальной значимости тех или иных угроз — экстремистских или террористических с различными акторами противодействия им. Одним из таких регионов — «слабых звеньев» безопасности — без преувеличения является Южный Кавказ, который в отличие от Северного (в основном преодолевшего терроризм, но до сих пор являющегося центром экстремистского напряжения), остается средоточием нерешенных этнополитических конфликтов, сопровождающихся экстремизмом и некоторыми проявлениями терроризма с радикализацией исламского фундаментализма.

В данном регионе, применительно к южнокавказским государствам, прослеживается как минимум два тренда в обеспечении дифференцированной безопасности, включая антитеррористическое направление. Первый из них отражен в Восточном партнерстве НАТО в рамках плана ПАП-Т по борьбе с терроризмом (Грузия, Армения), предполагающего обмен разведывательными данными, а также организационные мероприятия для подготовки антитеррористической деятельности. Кроме того, странами региона — Грузией, Арменией и Азербайджаном, в контексте дифференцированного сотрудничества с ЕС и НАТО предусмотрено участие в разного рода военных учениях. Евразийская альтернатива региональной безопасности представлена ОДКБ, членом которой является Армения, данная организация не присутствовала в недавнем карабахском конфликте (Нагорный Карабах не признан даже Арменией и, соответственно, не входит в Организацию Договора о коллективной безопасности). Впрочем, как известно, миротворческую миссию возглавила Россия с целью недопущения эскалации конфликта с возможными экстремистскими и террористическими проявлениями и последствиями.

Еще одним представителем вариативного осуществления автономного сценария противодействия терроризму является Китай, реализующий собственный вариант борьбы с экстремизмом (включающий в том числе антитеррористические меры) исключительно на своей территории. Однако перманентный китайский экономический и военно-политический рост дает возможность появления новой биполярности «синаморфного» типа. Таким образом, изоляционистская модель противостояния терроризму и экстремизму вполне может быть связана с потенциальной «китайской альтернативой».

Известно, что КНР принципиально избегает военных союзов и коалиций с кем бы то ни было. Однако китайская модернизация с реинтеграцией идеи доминирования Поднебесной и Великого Шелкового пути трансформировалась в геоэкономическую доктрину «Один пояс, один путь» — осторожную, но достаточно эффективную внешнюю политику с акцентом на (пока) «мягкую» силу. Это усиливает возможность рассматривать Китай в качестве «некоего интегратора», прежде всего, континентальной системы безопасности. Этому без сомнения попытаются помешать США в лице новой администрации, подвергающей «стратегическому сомнению» демократический потенциал Китая. На наш взгляд, труднее всего признание китайского лидерства, в том числе и по противодействию терроризму, будет даваться Индии, имеющей иную точку зрения на афганское урегулирование с антипакистанским подтекстом. Здесь Китаю, как и другим акторам возможных сценариев антитеррористического противодействия, понадобится новая социальная интеграционная идея, подобная, например, евроатлантической идентичности в своей модернизационной версии. Здесь имеется в виду, например, «двойственная», дуальная природа РФ (Азия и Европа), усилившая возможности евразийской интегративной идентичности.

Все вышеперечисленные факторы вовсе не отменяют потенциальное «антитеррористическое» лидерство Китая, но однозначно «откладывают» данный сценарий на перспективу. При этом иной сценарий, по форме **плюралистический**, исходящий из интегративной сущности евразийских идентичностей, представляется более реалистичным.

В этой связи следует обратить внимание на то, что плюралистический сценарий исходит из того допуска и наличествующего факта, что на смену биполярной системе приходит многополярная форма мироустройства, несмотря на сдерживание этого процесса со стороны «атлантизма» (США, НАТО, проект «Глобальная Британия» и т.д.). Очевидно, что данный процесс сопровождается новой нестабильностью и достаточной степенью неопределенности в системе международной безопасности.

Иными словами, мировые вызовы и угрозы, включая террористические и экстремистские, качественно и количественно эскалируются на фоне снижения значимости общих ценностей и позитивного целеполагания между Западом и Востоком, особенно с Россией, начиная со второго десятилетия XXI в. Именно поэтому атлантический и автономный антитеррористические сценарии маловероятны, поскольку большинство их акторов не видят общих целей даже в части противостояния терроризму, «насильственному экстремизму» (Б. Обама) и даже климатическим деструкциям и пандемии (учитывая «войну вакцин»).

Все это соседствует с политикой сдерживания России и Китая. При этом плюралистическая, полицентричная (во многом евразийская) модель противодействия «терро-экстремизму» выглядит наиболее адекватной современным реалиям и расстановке социально-политических сил в мире. Подобный гипотетический допуск предпочтителен еще и потому, что евразийское поле реализации данного сценария представлено естественным

синтезом полиэтничности и конфессиональности, а также славяно-тюркским, индо-иранским и конфуцианско-буддистским фундаментами длительного сосуществования различных социокультурных, межнациональных и даже философских модусов.

При этом со всей очевидностью конфликтогенность с большой степенью неопределенности своего проявления переместилась на одну из мировых периферий — «Евразийские Балканы» (З. Бжезинский) от Ближнего Востока до Азиатско-Тихоокеанского региона, с усилением местных акторов. В этой связи «плюралистический» сценарий в рамках большого евразийского пространства выглядит более предпочтительным в сравнении с вышеотмеченными, поскольку наиболее острая и более чем эффективная борьба с террором развернулась именно в Евразии: уничтожение ядра ИГИЛ Россией в координации с Турцией и Ираном (включая Астанинский процесс), плодотворные попытки процессов умиротворения в Ливии и Ираке.

Здесь актуальной является, на наш взгляд, дифференциация борьбы с исламским терроризмом со стороны исламских государств (например, Иран, Турция) и всего исламо-тюркского мира. Россия исторически и актуально имея опыт осуществления социокультурного синтеза славянского и тюркского миров на своей и сопредельных территориях, реализует интегративные, в том числе и наднациональные, интенции в различных сферах межгосударственного сотрудничества (и безопасности) с его представителями.

Рассматриваемый евразийский сценарий выглядит более реалистичным с учетом жесткого, беспрецедентного политического противостояния между НАТО, ЕС и США с Россией в рамках евроатлантического контура, а также НАТО и США с Китаем, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Таким образом, два контура антитеррористического противостояния (атлантический и автономный), по крайней мере, в данный темпоральный период практически закрыты с перспективной возможностью российско-китайского сотрудничества по данному вопросу.

Таким образом, система антитеррористической безопасности в Центрально-Азиатском регионе, представленная рамками ОДКБ, перманентно функционирует, результаты ее работы говорят сами за себя. Сейчас мы сознательно абстрагируемся от детализации векторов российского антитеррористического сотрудничества со странами СНГ и других государств Евразии, обозначив лишь его принципиальные и реперные точки.

Применительно к постсоветскому пространству ключевой конструкцией антитеррористического и контрэкстремистского противодействия следует определить Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), реже именуемую Ташкентским пактом. О роли данной организации В.В. Путин сказал, что «такая организация, как ОДКБ, себя, безусловно, оправдывает», поскольку сотрудничество в сфере безопасности является одним из приоритетов, и оно выгодно для всех «участниц организации коллективной безопасности» [2].

Следует обратить внимание, что организационно и институционально в рамках основополагающих документов ОДКБ недвусмысленно выделены базовые факторы деятельности данной организации. Так ст. 8 Устава говорит в первую очередь о координации и объединении усилий в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. А в Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. (2016 г.) имеет место комплекс мер по противодействию исходящих от терроризма и экстремизма угроз и вызовов, имеющих внутренний и внешний характер.

В процессе становления и функционирования ОДКБ возникли, что вполне естественно, некие проблемы, разрешение которых оптимизирует процесс развития данной организации. Прежде всего это касается конкретизации мотивации субъектов объединения и соответствующих коллективных действий. Кроме того, наличие ШОС со схожим, но по объему потенциально бóльшим охватом государств, отчасти усложняет координацию между ними, а присутствие в регионе Центральной Азии существенного инвестирования США усложняет создание общего целеполагания.

Заключение

Для разрешения указанных коллизий, на наш взгляд, необходимо создание координационного механизма, предусматривающего усиление взаимодействия государств — членов ШОС и ОДКБ в качестве фактора евразийской безопасности, противодействия терроризму и экстремистской активности. В теоретическом отношении, имеющем прогностический контекст, представляется возможным постепенное формирование на основе имеющихся структур (ОДКБ, СНГ, ШОС и др.) общей антитеррористической институции с общим, «специализированным» целеполаганием не за счет взаимопоглощения, а посредством «диалектического» структурирования.

С нашей точки зрения, создание подобного противотеррористического и противоэкстремистского ситуационного центра позволит снять указанные выше проблемы и на евразийском пространстве, объединив антитеррористическую спецификацию таких институтов, как СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и, может быть, БРИКС.

Рассмотренная с точки зрения основных параметров евразийская (плюралистическая) модель для России, имеющей и свою многовекторную стратегию в борьбе с терроризмом и экстремизмом, является оптимальной, так как имеет в основе многополюсную модель мироустройства и предполагает альянс всех или большинства стран Большой Евразии, пострадавших от терроризма или разделяющих озабоченность эскалацией этой угрозы, наравне с экстремистской активностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голдратт Э., Кокс Дж.* Цель. Процесс непрерывного улучшения. М.: Попурри, 2020.

2. Деятельность ОДКБ оправдывает себя, заявил Путин // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20170412/1492069357.html?in=t (дата обращения: 25.03.2021).

3. *Дзлиев М.И., Иззатдуст Э.С., Гордиенко В.В., Киреев М.П.* Современный терроризм: Социально-политический облик противника. М.: Academia, 2007.

4. *Кокорев В.Г.* Соотношение понятий: «Терроризм» и «экстремизм» // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1 (047). С. 239—244.

5. *Медведев Н.П., Боташева А.К.* Борьба с терроризмом на Северном Кавказе: Проблемы и приоритеты // Власть. 2009. № 7. С. 3—7.

6. *Писаренко О.Н.* Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10. С. 241—248.

7. *Римский А.В., Артюх А.В.* Экстремизм и терроризм: Понятие и основные формы проявления // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2009. Т. 10, № 16 (71). С. 244—249.

8. *Уранян А.А.* Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2016. № 3. С. 43—51.

9. *Фридинский С.* Терроризм как крайняя форма проявления экстремизма // Уголовное право. 2008. № 3. С. 120—123.

10. *Crelinsten R.D.* Counterterrorism. Cambridge: Polity Press, 2009.

11. *Eadie P.* Counterterrorism, smart power and the United States // Global Policy. 2016. Vol. 7, N 3. P. 323—331.

12. *Guiora A.N.* Transnational Comparative Analysis of Balancing Competing Interests in Counter-Terrorism // Temple International & Comparative Law Journal. 2006. Vol. 20. P. 363.

13. *Lutz J., Lutz B.* Global terrorism. L.: Routledge, 2013.

14. *Martini A.* The UN and Counter-terrorism: Global Hegemonies, Power and Identities. L.: Routledge, 2021.

15. *Muhammad M.R.A., Nirwandy N.* A Study on Donald Trump Twitter Remark: A Case Study on the Attack of Capitol Hill // Journal of Media and Information Warfare. 2021. Vol. 14, N 2. P. 75—104.

16. *Ní Aoláin F.* "Soft Law", Informal Lawmaking and "New Institutions" in the Global Counter-Terrorism Architecture // European Journal of International Law. 2021. Vol. 32, N 3. P. 919—942.

17. *Raman B.* Counter-Terrorism: India-China-Russia Cooperation // China Report. 2004. Vol. 40, N 2. P. 155—167.

18. *Tella O.* Boko Haram terrorism and counter-terrorism: The soft power context // Journal of Asian and African Studies. 2018. Vol. 53, N 6. P. 815—829.

19. *Weinberg L.* Global terrorism. N.Y.: The Rosen Publishing Group, 2009.

20. Western responses to terrorism / Ed. by R.D. Crelinsten, A.P. Schmid. L.: Routledge, 2012.

21. *Whittaker D. T*errorism: Understanding the global threat. L.: Routledge, 2013.

22. *Wilson III E.J.* Hard power, Soft power, Smart power // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616, N 1. P. 110—124.

REFERENCES

1. Goldratt J., Koks G. 2020. *Purpose. Continuous improvement process.* Moscow, Popurri. (In Russ.)

2. The activities of the CSTO justify themselves, Putin said. Available at: https://ria.ru/20170412/1492069357.html?in=t (accessed: 25.03.2021). (In Russ.)

3. Dzliev M.I., Izzatdust Je.S., Gordienko V.V., Kireev M.P. 2007. *Modern terrorism: socio-political appearance of the enemy.* Moscow, Academia. (In Russ.)

4. Kokorev V.G. 2013. "Correlation of concepts: 'terrorism' and 'extremism'". *Socio-economic phenomena and processes,* no. 1 (047), pp. 239—244. (In Russ.)

5. Medvedev N.P., Botasheva A.K. 2009. "Fighting terrorism in the North Caucasus: problems and priorities". *Power,* no. 7, pp. 3—7. (In Russ.)

6. Pisarenko O.N. 2010. "Terrorism as an extreme form of expression of extremism". *Scientific problems of humanitarian research,* no. 10, pp. 241—248. (In Russ.)

7. Rimskij A.V., Artjuh A.V. 2009. "Extremism and terrorism: the concept and main forms of manifestation". *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* vol. 10, no. 16 (71), pp. 244—249. (In Russ.)

8. Uranjan A.A. 2016. "The role of Russia in international cooperation in the fight against terrorism". *Bulletin RUDN, Political science,* no. 3, pp. 43—51. (In Russ.)

9. Fridinskij S. 2008. "Terrorism as an extreme form of manifestation of extremism". *Criminal Law,* no. 3, pp. 120—123. (In Russ.)

10. Crelinsten R.D. 2009. *Counterterrorism.* Cambridge, Polity Press.

11. Eadie P. 2016. "Counter-terrorism, smart power and the United States". *Global Policy,* vol. 7, no. 3, pp. 323—331.

12. Guiora A.N. 2006. "Transnational Comparative Analysis of Balancing Competing Interests in Counter-Terrorism". *Temple International & Comparative Law Journal,* vol. 20, p. 363.

13. Lutz J., Lutz B. 2013. *Global terrorism.* London, Routledge.

14. Martini A. 2021. *The UN and Counter-terrorism: Global Hegemonies, Power and Identities.* London, Routledge.

15. Muhammad M.R.A., Nirwandy N. 2021. "A Study on Donald Trump Twitter Remark: A Case Study on the Attack of Capitol Hill". *Journal of Media and Information Warfare,* vol. 14, no. 2, pp. 75—104.

16. Ní Aoláin F. 2021. "'Soft Law', Informal Lawmaking and 'New Institutions' in the Global Counter-Terrorism Architecture". *European Journal of International Law,* vol. 32, no. 3, pp. 919—942.

17. Raman B. 2004. "Counter-Terrorism: India-China-Russia Cooperation". *China Report,* vol. 40, no. 2, pp. 155—167.

18. Tella O. 2018. "Boko Haram terrorism and counter-terrorism: The soft power context". *Journal of Asian and African Studies,* vol. 53, no. 6, pp. 815—829.

19. Weinberg L. 2009. *Global terrorism.* New York, The Rosen Publishing Group.

20. Crelinsten R.D., Schmid A.P. (eds.). 2012. *Western responses to terrorism.* London, Routledge,

21. Whittaker D. 2013. *Terrorism: Understanding the global threat.* London, Routledge.

22. Wilson III E.J. 2008. "Hard power, Soft power, Smart power". *The annals of the American Academy of Political and Social Science,* vol. 616, no. 1, pp. 110—124.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

1. *Goldratt Je., Koks Dzh.* Cel'. Process nepreryvnogo uluchshenija. M.: Popurri, 2020.

2. Deyatel'nost' ODKB opravdyvaet sebya, zayavil Putin // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20170412/1492069357.html?in=t (data obrascheniya: 25.03.2021).

3. *Dzliev M.I., Izzatdust Je.S., Gordienko V.V., Kireev M.P.* Sovremennyj terrorizm: Social'no-politicheskij oblik protivnika. M.: Academia, 2007.

4. *Kokorev V.G.* Sootnoshenie ponjatij: «Terrorizm» i «jekstremizm» // Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy. 2013. № 1 (047). S. 239—244.

5. *Medvedev N.P., Botasheva A.K.* Bor'ba s terrorizmom na Severnom Kavkaze: Problemy i prioritety // Vlast'. 2009. № 7. S. 3—7.

6. *Pisarenko O.N.* Terrorizm kak krajnjaja forma vyrazhenija jekstremizma // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2010. № 10. S. 241—248.

7. *Rimskij A.V., Artjuh A.V.* Jekstremizm i terrorizm: Ponjatie i osnovnye formy projavlenija // NOMOTHETIKA: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2009. T. 10, № 16 (71). S. 244—249.

8. *Uranjan A.A.* Rol' Rossii v mezhdunarodnom sotrudnichestve po bor'be s terrorizmom // Vestnik RUDN. Serija Politologija. 2016. № 3. S. 43—51.

9. *Fridinskij S.* Terrorizm kak krajnjaja forma projavlenija jekstremizma // Ugolovnoe pravo. 2008. № 3. S. 120—123.